

ЛУКАШОНОК Ирина Вячеславовна, доктор социологических наук, доцент, директор Инновационного центра профессиональной ориентации и дополнительной подготовки Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 28 научных публикаций, в т. ч. одной монографии и 4 учебно-методических пособий

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

В статье анализируется процесс формирования новых социальных институтов, характеризующийся многоэтапностью. Обращается внимание на основные факторы, создающие необходимые условия для изменения или создания социального института. Приводятся примеры теорий и концепций институционализации, указывающих на возможность институционального подхода как одного из наиболее адекватных методов социологического анализа социальных изменений в переходных обществах.

Ключевые слова: *социальный институт, институционализация, хабиутализация, типизация, социальный конструкт, седиментация, легитимация.*

Процесс формирования новых социальных институтов представляет особый интерес для социальных исследователей. Под *институционализацией* принято понимать многоэтапный процесс, начинающийся с осознания определенной общественной потребности в качестве общесоциальной и завершающийся созданием системы статусов и ролей.

Исследователи выделяют следующие стадии генезиса социального института, часть которых можно назвать подготовительными, создающими необходимые условия для его возникновения. Главной предпосылкой выступает возникновение и распространение некой потребности, для обеспечения которой необходи-

ма организация совместных организационных усилий, и признание ее социально значимой. Г. Ленски выделил следующие основные социальные потребности, приводящих к формированию институтов: потребность в коммуникации, потребность в производстве благ, потребность в распределении благ, потребность в безопасности, потребность в воспроизводстве системы социального неравенства, потребность в социальном контроле.

На следующем этапе происходит поиск операциональных средств, способных обеспечить данную потребность, это прежде всего разработка соответствующих социальных норм и правил, а также процедур их выполнения

и практического применения. Еще одним предварительным условием является наделение института материальными, финансовыми, трудовыми и организационными ресурсами, без которых невозможно обеспечить бесперебойное удовлетворение потребности, а также создание особой субкультуры, призванной способствовать воспроизводству людей, отвечающих за деятельность данного института. Кроме того, необходима разработка системы социального контроля, т. е. санкций для поддержания имманентных институту норм и правил. Завершающим этапом процесса институционализации является оформление строгой статусно-ролевой структуры и ее легитимизация.

Одна из концепций, подробно описывающих процесс институционализации принадлежит П. Бергеру и Т. Лукману¹, указывающих на необходимость рассмотрения исторического процесса, в ходе которого происходит создание института. В ней выделяются три стадии, предваряющие данный процесс, направленные на структуризацию социальной жизни: хабиутализация, типизация и формирование социальных конструкторов.

Авторы данной концепции подчеркивают неразрывную связь институционализации с *хабиутализацией* (опривычиванием), которая предшествует созданию любого института. Именно приобретение устойчивых привычек во взаимодействии с окружающей средой (природной и социальной) адаптирует и стабилизирует повседневное поведение людей. На следующей стадии наступает взаимная *типизация* опривыченных действий различными социальными субъектами. Более того, расширяя социологическое понимание института, подчеркивается, что «любая типизация есть институт»².

Третьей предварительной стадией, переход к которой означает наступление первого этапа уже собственно институализации, выступает *формирование социальных конструкторов*, прежде всего ролевой структуры. Последняя формируется в процессе ролевой типизации, формирующей базисную ролевую матрицу — *институцию*, например «преподаватель—

студент», «муж—жена». Важно отметить, что появление институции обязательно предшествует появлению любого института. Однако, как замечает О.В. Иншаков, не вполне корректный перевод фундаментальной работы Т. Веблена «Теория праздного класса», состоящий в удалении категории «институция», привел к традиции аналогичного перевода трудов современных неинституционалистов, в частности Д. Норта, Т. Эггертсона. Кроме того, отмечается, что «отечественные ученые часто не обращают внимания на различие исходных категорий институционализма и подменяют порой институцию организацией, организацию определяют как институт, а последний трактуют как инструмент, орган или механизм». Рассматривая проблему с точки зрения экономической науки, указанный экономист трактует институции как «социальные формы типизации хозяйственных субъектов, определяющие их статусы и роли в системе производства общественного бытия и образующие систему отношений функциональной структуры общества», а организации как «социальные формы связей между хозяйственными субъектами в процессе производства, детерминирующие систему отношений элементарной структуры общества»³. О.В. Иншаков полагает, что организации или учреждения отвечают за обеспечение соответствующих институций, а в движении к современным целям осуществляют координационную и субординационную связь различных институтов и институций. Взаимодействие последних приводит к возникновению институтов и органов хозяйственной системы. При этом институциональная организация превращается в институт, представляющий функциональную организацию, реализующую систему однородных институций (например, финансовые, научные, религиозные учреждения), а организованная институция — в *орган* — структурированную институцию, отвечающую за функционирование и развитие преимущественно с помощью постепенной адаптации старых органов к новым функциям.

Вернемся к рассмотрению концепции институционализации П. Бергера и Т. Лукмана. Воспроизводство ролевых структур обеспечивается благодаря процессу *седиментации*, т. е. памяти социальной системы, а также действию соответствующих *норм* – форм социального регулирования. В этой связи В.Я. Нечаев отмечает последовательность и социальные механизмы возникновения ролевого и нормативного поведения. Первое складывается в итоге прямых социальных взаимодействий и действий и стабилизируется благодаря памяти, восприятию и ожиданий его участников. Что касается нормативного поведения, то оно возникает из ролевого в ходе метаморфозы. «Субстанцией – носителем диспозиции нормы служит не память индивида и не какой-то персонифицированный “другой человек”, воплощающий норму в реальном действии, а ее знаково-символическая оболочка. Переход “обобщенного другого” из живой плоти человека в символическую оболочку собственно и знаменует метаморфозу»⁴. Именно символизация норм приводит к тому, что они начинают выступать установлениями не конкретных людей, а самого социума.

Однако на пути разворачивающегося процесса институционализации возникает проблема *легитимации* норм и правил, под которой понимаются вопросы достижения их понимания и признания. Понимание предполагает раскрытие индивидами и общностями их смысла, а признание – нахождение своего интереса.

Ключевым средством легитимации является знаковая коммуникация, которая содержит четыре стадии: номинацию, операционализацию, дисциплинарное овладение системами знаний и овладение символическим универсумом. *Номинация* представляет умение называть именами предметы и явления окружающего мира. Культурная трансляция имен осуществляется, согласно концепции М.К. Петрова, с помощью *социокода*, интегрирующего необходимые предпосылки легитимации. При этом выделяются три исторических типа социокода – *лично-именной*, присущий первобытной цивилизации, *профессионально-имен-*

ной (традиционная цивилизация) и *универсально-понятийный* (современная цивилизация). Под *операционализацией* понимается развитие способности оперирования знаками и их конструкциями как предметами и обратной способности оперирования предметами согласно знаковым моделям. Обеспечение устойчивой трансляции культурного опыта в современной цивилизации посредством универсально-понятийного социокода означает развитие умения работать с определенными текстами, являющимися частью общего текста, дифференцированного и упорядоченного дисциплинарным способом. «Дисциплинарное знание моделирует взаимодействие субъекта с факторами среды, его возможные формы общения... При этом текстом служит не только письменный вербальный дискурс, но и любое связанное знаково-символическое сообщение (художественное полотно, музыкальная пьеса, танец и т. п.)»⁵. Заключительной фазой легитимации выступает *генерация символического универсума* – развитие способности восстанавливать и сопоставлять смыслы реальных фактов и понятий различных дисциплин, т. е. смысловая интеграция. «Символический универсум понимается как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого универсума»⁶. Символический универсум, во-первых, упорядочивает восприятие жизни индивида, во-вторых, служит легитимации социальных ролей, ценностных приоритетов и правил.

Исследования процесса формирования новых институтов в переходном российском обществе во многом подтверждает основные положения концепции институциональных матриц. Так, в *политической сфере* наблюдается расхождение между формальными правилами (институциональными формами) – институтами демократии и гражданского общества и неформальными институтами, что говорит о квазидемократическом характере первых («корпоративно-бюрократическая полиархия»,

«управляемая демократия», псевдodemократические выборы). Об отсутствии институциональной сделки однозначно свидетельствуют снижение доли россиян, принимающих участие в голосовании, и увеличение числа голосующих за кандидата «против всех», устойчиво низкий общественный рейтинг политических партий и движений, фактическая неудача партийного строительства.

В *экономической сфере*, по мнению В.Л. Тамбовцева, произошли три принципиальных изменения⁷: во-первых, отмена института всеобщего принудительного назначения поставщиков ресурсов и покупателей продукции; во-вторых, существенное снижение уровня и сужение защиты правомочий собственности и принуждения к исполнению контрактов со стороны государственных структур, что привело к развитию «подпольных институтов» («теневая юстиция» и т. п.); в-третьих, регионализация правил хозяйствования, ведущая к востребованности неформальных институтов. Данное изменение негативным образом сказывается на расширении обменов, сопровождаясь российской спецификой – *персонификацией* разрешительно-запретительной практики местных властей.

В *идеологической сфере* наблюдаются схожие процессы. Симптоматичным здесь является возвращение музыки старого советского гимна, сохранение красного знамени в качестве армейского, использование советской риторики, концепция «либерального империализма»

и другие попытки заполнения идеологического вакуума, возникшего после принудительной деидеологизации различными элементами прежней идеологической институциональной структуры.

Таким образом, институциональный подход (наряду с социокультурным) является наиболее адекватным методом социологического анализа социальных изменений в переходных обществах. Вместе с тем следует отметить наличие теоретической неопределенности и различия подходов к трактовке базовой категории парадигмы институционализма – категории «социальный институт», пересечение некоторых дефиниций с такими понятиями, как «институция» и «организация». Другим проблемным моментом является вопрос об устойчивости институциональных матриц, т. е. возможности изменения их природы – с X-матрицы на Y-матрицу, представляющий особую актуальность для транзитивного российского постсоветского общества.

Следует выделить большую теоретическую и практическую ценность теории институционального проектирования, значимость которого резко возрастает в эпохи кардинальных общественных перемен. В этой связи нельзя не отметить несоблюдения практически всех принципов институционального проектирования в формировании новых экономических и политических институтов в современной России, особенно принципов достаточного разнообразия стимулов, полноты учета интересов всех предполагаемых их участников и соучастия.

Примечания

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

² Там же. С. 92.

³ Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социол. исследования. 2003. № 9. С. 44.

⁴ Нечаев В.Я. Институционализация как феномен и категория социологии // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 3. С. 8–9.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 158.

⁷ Тамбовцев В.Л. Институциональные изменения в российской экономике // Обществ. науки и современность. 2009. № 4.

Lukashonok Irina Vyacheslavovna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Center of Vocational Guidance and Additional Training

SOCIOLOGICAL STUDIES OF INSTITUTIONALIZATION PROCESSES

The article analyzes the multistage process of forming new social institutions. Attention is given to the major factors that create the necessary conditions for changing or forming a social institution. The examples of theories and concepts of institutionalization given indicate the possibility of an institutional approach as one of the most appropriate methods of sociological analysis of social changes in transitional societies.

Key words: *social institution, institutionalization, habitualization, typification, social construct, sedimentation, legitimation.*

*Контактная информация:
e-mail: i.lukashonok@narfu.ru*

Рецензент – *Ульяновский В.И.*, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и менеджмента Института управления и регионологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова